

ИЛЬЯ КОМПАСОВ

ИВАН

и КАМИНСКИ

Илья Компасов

Иван и Камински. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24611361

ISBN 9785448537127

Аннотация

У Ивана есть жена, двое детей, дом, работа в рекламном агентстве, которое он сам и возглавляет. К сорока трем годам он достиг всего, чего хотел. Единственное, что ему не дает покоя, это его прошлое. Повернуть время вспять нельзя, его можно лишь остановить. Рождество в кругу семьи Камински ставит под вопрос всю жизнь Ивана: найдет ли он выход?

Содержание

Иван и Камински	5
Сочельник	5
День первый	37
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Иван и Камински

Повесть

Илья Компасов

Посвящается Матильде и Электре

Редактор Наталья Кулагина

Иллюстратор Инна Нарядовская

Фотограф Мириам Дентлер

Дизайнер обложки Илья Компасов

© Илья Компасов, 2017

© Инна Нарядовская, иллюстрации, 2017

© Мириам Дентлер, фотографии, 2017

© Илья Компасов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3712-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван и Камински

повесть

Сочельник

В субботу, 20 августа, рухнула надежда советского вертолетостроения. Вертолет Ми-28А пилотажной группы «Беркуты» потерпел крушение во время демонстрационного полета на Тушинском авиационном фестивале. В результате катастрофы погиб пилот воздушного судна – 39-летний Олег Фомин – и пассажир, личность которого на данный момент не установлена.

По факту авиационного инцидента возбуждено уголовное дело, однако причины падения по-прежнему неясны: представители Военно-воздушных сил СССР винят во всем техническую неисправность машины, хотя испытания модернизированного Ми-28 успешно завершились еще в мае прошлого года. Новая модель опытно-экспериментального вертолета была заявлена в качестве главной технической новинки советского вертолетостроения на авиасалоне «Ле-Бурже» в Париже и на выставке в Ред-Хилл под Лондоном, где вызвала большой интерес посетителей. Вертолет оснащен современным комплексом бортового радиоэлектронного оборудо-

вания, не имеющего аналогов в мире.

По оценкам экспертов, катастрофа может негативно сказаться на дальнейших разработках всей серии вертолетов.

«Московские новости», 22 августа 1988 г.

* * *

Поезд набирал скорость. Пассажиры торопились занять места. Иван с тоской наблюдал утреннюю суету вокруг и терпеливо ждал, пока люди освободят проход. Он заранее зарезервировал четыре кресла для всей семьи и поэтому спокойно шел вперед. Дойдя до цели, Иван обнаружил, что места заняты. Он еще раз сверил номера в билетах, с улыбкой посмотрел на пожилую пару и сказал:

– Доброе утро. Готов поспорить, вы едете к родственникам на Рождество?

– Доброе утро, – испуганно ответила бабуля и посмотрела на деда, который в это время боролся с гигантской газетой, так и норовившей его поглотить. – Как вы сказали?

Иван наклонился чуть ниже и произнес размеренным тоном телеведущего:

– Мне очень жаль вас беспокоить, но мне кажется, вы сидите на наших местах.

Старушка начала рыться в сумочке, захлебываясь возду-

хом. Отыскав билет, протянула его Ивану. Он внимательно изучил проездной документ. Там были указаны те же самые места, что и у него, но в вагоне номер девять, тогда как вроде садились в восьмой. Иван повернулся к жене и детям и спросил, в каком они вагоне.

– Откуда я знаю?! Мы за тобой шли, – ответила Лена натянутыми губами и посмотрела в сторону детей. Те равнодушно пожали плечами.

Вагона номер восемь в поезде не оказалось: после седьмого сразу же следовал девятый. Даже проводник удивился, но ничего не мог сделать, кроме как пожать плечами и извиниться за неудобства. Не просто вагоны перепутали местами, а одного вагона в скором поезде немецких железных дорог не хватало.

– Где же нам теперь сидеть? – спросил Иван у проводника, который уже отвернулся и взял в руки билет следующего пассажира.

– Боюсь, вам придется искать свободные места по всему поезду, – сказал тот и взглянул на Ивана поверх узких очков, одновременно пробив билет.

– Я же говорила, надо было первым классом ехать, – донесся громкий шёпот сзади. Иван развернулся к жене и спокойно ответил:

– Вот и поедешь. – Потом он снова обратился к проводнику, слегка взяв его за локоть, как старинного друга: – Вы очень любезны, я это сразу заметил. Уверен, в первом классе для нас точно найдется четыре свободных места. Большое вам спасибо. И отличных вам праздников.

* * *

Сиденья первого класса были на порядок шире и удобнее. Иван откинул спинку кресла назад до упора и вытянул ноги. Впереди еще оставалось много свободного места, и он начал рисовать правым носком небольшие круги в воздухе. Еле слышный шелест газет и редкие реплики пассажиров убаюкивали его. Он быстро погрузился в сон – неглубокий, чуткий железнодорожный сон. Он все еще слышал голоса, тихий гул поезда и легкое посвистывание то и дело открывающейся автоматической двери. Пахло свежим кофе и глянцевыми журналами, которые один за другим перелистывала его жена.

Глаза были закрыты, но Иван четко представлял себе каж-

дую деталь вокруг. Он будто наблюдал за всем через замочную скважину. Находился вроде бы и там, и здесь. Неожиданно воображаемая дверь в голове Ивана открылась, и он увидел себя подростком, впервые ехавшим по Германии. Тогда это был еще старый поезд, полупустой вагон. Некоторые окна были открыты, и легкие порывы ветра то и дело перебрасывали его длинные волосы с одной стороны на другую. Поезд скрипел и гремел, но Иван не слышал стука колес, к которому он привык, путешествуя по родной стране. Здесь поезд просто катился по бесконечным, непрерывным рельсам, извергая холодный железный звук. Вместо ритмичного постукивания колес Иван слышал тогда громкое биение своего сердца...

Бодрый голос машиниста, приветствовавшего новых пассажиров, разбудил Ивана. Он открыл глаза. По левую руку сидела жена и держала журнал Elle, вставив между страницами средний палец.

– Смотри, – сразу сказала она, раскрыв журнал на странице с фотографиями знаменитостей.

– И что? – Иван потянулся.

– Как тебе вот эти? – указала Лена на выбранную картинку.

– А, ты снова о своем. Я думал, мы уже вчера все обсудили, – без интереса ответил Иван.

– Мы ничего не обсудили. Потому что ты не хочешь, а я хочу. И аргументов за у меня больше!

– Давай только не здесь, – перешел на шепот Иван. – Или ты хочешь, чтоб не только дети, но и все вокруг узнали о твоих интимных рождественских желаниях?

– Идиот, – сухо отозвалась Лена. – Сам потом жалеть будешь. А будет поздно.

– Ничего, переживу, – пробормотал он и встал с кресла.

– Ты куда?

– С поезда пойду выброшусь, – сказал Иван, держась левой рукой за спинку кресла.

* * *

Перед туалетом стояла очередь из пяти человек, поэтому он решил пройти дальше в сторону вагона-ресторана. Иван шел, слегка выгнув спину, и улыбался. На последней остановке село много народу, и все снова бегали по поезду в поисках свободного места. Некоторые сидели прямо в проходе на своих сумках. Девушка с длинными светлыми волосами впереди Ивана волокла огромный чемодан на колесиках, задевая каждого сидящего. Чудом обнаружив свободное место, она бросила на сиденье сумочку и начала поднимать чемодан на верхнюю полку.

– Разрешите вам помочь? – тут же предложил Иван и взялся за край чемодана.

– Не надорвитесь, папаша! – возразила девушка и рывком закинула чемодан наверх.

– Ну ладно, доченька, сама так сама, – с иронией ответил Иван и пошел дальше.

Ресторан оказался тоже переполнен и напоминал ночной клуб со светом и без музыки. Все вокруг улыбались и говорили на одну и ту же тему – тему Рождества. Иван взял банку колы и пристроился возле бара. Холодная вода и сахар делали свое дело – с каждым глотком Иван чувствовал себя лучше. Перестала болеть голова, которая ныла еще с утра. В ногах появилась сила, и он бы бросился бежать, если бы было куда.

К барной стойке пробрались две симпатичные девчонки лет по двадцать. На обеих были обтягивающие джинсы, кроссовки «Найк» с белой подошвой и свободные футболки. Через тонкую ткань у одной из девушек просвечивалась грудь, плотно обтянутая лифчиком телесного цвета. Кожа на ее руках была загорелой и ровной.

Они взяли одну колу на двоих и сели верхом на свои огромные чемоданы в полуметре от Ивана. Подруги поперебой называли имена исполнителей, разбавляя их междометиями и постоянно хихикая. Та, которая сидела лицом к Ивану, крутила в руке айфон и запускала один музыкальный трек за другим. Громкость была включена на полную. На какой-то песне девушка, сидевшая к Ивану спиной, выхватила у подруги наушник и вставила его себе в правое ухо с тройным пирсингом в верхней части. Через секунду она начала извиваться в такт музыке. Взгляд Ивана тут же при-

ковала ее задница, скользкая по чемодану взад и вперед.

Звучала популярная вещь, под которую Иван и сам раз в месяц зажигал на танцполе. Он инстинктивно начал подпевать и пританцовывать, слегка зажмурившись. Девушки посмотрели на Ивана так, как обычно на него смотрит его двенадцатилетняя дочь, когда он просит ее убрать у себя в комнате. Потом переглянулись, синхронно закатили глаза и оставили Ивана без внимания. Он усмехнулся, сделал последний глоток колы, который каким-то плотным комом застрял в горле.

В туалете Иван долго рассматривал свое лицо в зеркале. Он изменился. Вокруг глаз много маленьких морщин. Кожа не такая упругая, как раньше, и на щетине все чаще встречались седые волоски. Но это полбеды. Самое ужасное было то, что волос на голове с каждым днем становилось все меньше и меньше. Глубокие залысины уже нельзя было прикрыть волосами – это смотрелось еще хуже. Перед праздниками он был у парикмахера и собирался побриться наголо, но в последний момент передумал. До следующего раза. Ему нужно было время для прощания со своими, пусть и не очень густыми, но все же собственными волосами. Иван несколько раз провел рукой по хлипким локонам, массируя кожу головы. Потом плотно прижал волосы к черепу, прикинув, как будет выглядеть лысым. Тяжело вздохнул. Второй раз вымыл руки и пошел к своему месту.

– Ты где ходил так долго? – удивленно спросила Лена.

– Очередь большая была, – ответил Иван, рухнув в кресло.

– Все нормально?

– Угу. Может, ты и права насчет этого. Давай только у Каминских не будем обсуждать.

– Как скажешь. Я тебя люблю. – Лена поцеловала Ивана в щеку.

* * *

Тереза приехала на вокзал за пятнадцать минут до прибытия поезда. Сегодня утром она уже встречала здесь свою мать и никак не могла избавиться от ощущения дежавю. Она и Ивана встречала неоднократно на этом вокзале, но с тех пор прошли годы. Последние разы он с семьей приезжал на машине или они вовсе летели на самолете и брали такси до дома. Иван и сейчас предложил ждать их дома, но для Терезы это было своего рода ритуалом – встретить Ивана на перроне, как в день их знакомства. Прямо с поезда – так, чтобы он шагнуть не успел и тут же оказался в ее объятиях. Каждый раз Тереза с трудом сдерживала себя от слез. В первую встречу она рыдала минут десять после того, как его увидела. Он же тогда не проронил ни одной слезы и только прижался своей белобрысой головой к ее груди. С тех пор прошли годы, душевные раны обоих давно зажили, но любовь, выражавшаяся в этих глубоких объятиях, осталась.

Тереза ходила по холодной платформе из стороны в сторону, пытаясь угадать, из какого вагона они выйдут. Это напоминало игру в рулетку: ты делаешь ставку на один из эдак

пятнадцать вагонов, плюс в каждом вагоне по два выхода – итого на поезд около тридцати вариантов. Если учесть, что иногда вагонов было меньше, то шансы на выигрыш в этой вокзальной рулетке увеличивались. В конце концов Тереза остановилась напротив разметки для восьмого вагона, ровно посередине прибывающего поезда. Выбирать середину всегда мудрое решение: откуда бы ни вышел пассажир, с центра платформы до него было ближе всего. К тому же обычно люди направлялись в сторону подземного перехода в центральной части перрона.

Иван увидел Терезу еще из движущегося поезда. Несмотря на холод, она стояла в распахнутом шерстяном пальто бордового цвета. Короткие темные волосы шапкой накрывали голову, аккуратные очки с оправой в тон пальто ютились на маленьком носу. Выйдя на перрон, Костик и Лили тут же побежали к Терезе. Оказавшись на воздухе, они будто очнулись от зимней спячки. Увидев их, как всегда с некоторой задержкой, Тереза ринулась навстречу. Дети обхватили ее за шею с обеих сторон и одновременно промычали:

– Те-ре-за!

– Привет-привет, золотые вы мои! – голосом настоящей бабушки произнесла Тереза.

– Костик, хватит виснуть. Ты не один! – сказала Лена и подошла к Терезе.

– Анна-Лена, ты чудесно выглядишь! – Тереза протянула руки для объятия.

– Меня так, кроме тебя, уже никто не называет. Но мне это очень нравится. Как же мы рады тебя видеть! – Анна-Лена крепко прижала к себе пухлое тело Терезы.

Последним в очереди за мягкими объятиями стоял Иван. Он улыбался. Глаза Терезы уже начинали поблескивать. Не дожидаясь, когда из них прольются слезы, Иван подошел к ней и обхватил ее своими длинными руками. И хотя он был намного выше Терезы, во время их объятий его голова всегда оказывалась на ее плече. Они держались друг за друга, как если бы каждый из них ухватился за спасательный круг во время кораблекрушения. Ничто не могло их разлучить в эти минуты.

* * *

Дети на заднем сиденье еще не успели пристегнуть ремни, как Тереза тронулась и одновременно начала рассказывать о выставке Сальвадора Дали в местном музее.

– Вам обязательно туда надо сходить! Я даже с вами, пожалуйста, еще раз схожу.

– Конечно ходим, – согласился Иван. – У нас впереди считай три дня свободного времени. А о чем конкретно выставка?

– Значит так, она называется «Сальвадор Дали – иллюстратор». Во-первых, там представлена невероятная подборка его рисунков к книгам и статьям. Во-вторых, и надо ска-

зять, что Герхарду именно эта часть больше понравилась, там подробно разбирается техника создания его цветных литографий.

– Хм-м, интересно. Думаю, мы с Лили сходим, – заключил Иван.

– Что значит «с Лили»? А мы? – подала голос Анна-Лена.

– Ну, если хотите, то все вместе пойдем. Я думал просто, ты не очень искусство любишь, – ответил Иван и обернулся к жене.

– Опять начинается. Давай я сама решать буду, что я люблю, а что нет, – высказала вдруг Лена.

– Ребятки, ну что вы начинаете ссориться, еще до дома не доехав, – попыталась успокоить их Тереза. – Анна-Лена, что он от тебя хочет?

– Да нет, ничего. Дорога меня просто вымотала.

– Ты же первым классом ехала, – заметил Иван, слегка покачав головой.

– Хоть президентским! Все равно шесть часов в поезде для меня много.

– Так-так, все, мне тут ругань на праздниках не нужна. Что бы у вас там ни происходило, сами решите. Правда, Костик? – сказал Тереза, подмигнув мальчику в зеркало заднего вида.

– Просто мама сиськи себе хочет больше сделать, а папа против, – ни с того ни с сего решил объяснить Костя.

Включенный поворотник истошно запищал. Тереза свер-

нула на узкую тупиковую улицу, которая упиралась в пешеходную зону. Они проехали мимо греческого ресторана, мясной и сырной лавок, парикмахерской и магазина настольных игр и головоломок под названием «Зигзаг».

– Костик, мама и папа, я думаю, сами разберутся в своих делах, – нарушила тишину Тереза.

– Разберутся-разберутся – уже вчера целый вечер разбирались, – бубнил себе под нос Костя.

– Ага, так, что потом все вместе стены на кухне от разбитых яиц отмывали, – добавила Лили, повернув голову к окну, и вставила в уши наушники от айфона.

– Прекратили! – скомандовал Иван.

– Кстати, о яйцах. Мне еще в магазин сегодня надо. Костя, Лили – вы ведь со мной? – предложила Тереза, въехав на крытую автостоянку возле их дома.

* * *

Лили и Костя первые ворвались в дом и сразу побежа-

ли вверх по широкой деревянной лестнице, которая плавной дугой заворачивала налево и растворялась в темноте.

– Э-эй! Вы куда? Вообще-то наша комната внизу! – крикнул Иван. В ответ он услышал лишь громкий топот вперемежку со скрипом. – Ведь мы, как всегда, в моей комнате остановимся? – на всякий случай спросил он у Терезы.

– Все как всегда. Вы внизу, остальных разместим у нас наверху, – сказала Тереза, закрывая входную дверь.

– А кстати, кто уже здесь? – спросил Иван.

Тереза на успела ответить, потому что из кухни выскочила ее дочь Лиза с чем-то длинным в руке. Откусывая на бегу зеленый стебель сельдерея, она набросилась на Ивана сзади с криком: «Я-я-я ждешь!» Иван подскочил от неожиданности и чуть не снес чугунный подсвечник со стены. Лиза повисла у него на спине, обхватив тело ногами. В одной руке она продолжала держать палку сельдерея, другой рукой уцепилась за крепкую шею Ивана. Он демонстративно опустил руки и не сопротивлялся нападению.

– Ну что, слабо выбраться? – выговорила Лиза, дожидаясь наконец свой сельдерей.

– Что? Здесь кто-то есть? – Иван делал вид, что не замечает Лизу. – Дорогая, не посмотришь, у меня вдруг что-то со спиной случилось, – обратился он к Лене.

– Ничего особенно. Небольшая опухоль. Думаю, со временем сама отпадет, – ответила Лена, сняла пальто и повесила его на вешалку. Потом подошла к Ивану и чмокнула

висящую на нем Лизу в щеку.

– Точно? А может, ее все-таки того? Ну, операбельным путем? – прокряхтел Иван.

– Ты же у нас против хирургического вмешательства. Вот сам и расхлебывай, – сказала Лена и зашла на кухню, по которой бегала Тереза в поисках корзины для покупок. Два года назад, когда они с мужем Герхардом вышли на пенсию, сделали в доме капитальный ремонт. Теперь помещение стало намного светлее. Нигде не стояло лишних вещей – все кухонные принадлежности прятались в высоких белых шкафах.

– Как ты вообще тут ориентируешься? – спросила Лена. – Прямо операционная какая-то.

Не говори, – с досадой ответила Тереза, вытащив две тряпичные сумки из нижнего ящика. – Вот думали, надо в наш старый дом чего-то нового, светлого. А я до сих пор привыкнуть не могу.

– С другой стороны, всегда порядок. Так что не переживай. Я бы мечтала готовить на такой кухне, – успокаивала ее Лена.

– Можем завтра вместе твою мечту осуществить. Буду запекать индейку на ужин – пара рук мне не помешает.

– С удовольствием, – согласилась помочь Лена, проведя рукой по глянцевой поверхности белоснежной столешницы.

Иван вошел в гостиную с Лизой на спине. В кресле за книгой сидела бабушка. Дорит посмотрела на них, приспустив

очки, и покачала головой.

– За сорок лет обоим, а ведут себя как дети, – тихо сказала она, закрыла книгу и аккуратно положила ее на маленький столик. Опираясь обеими руками на ручки старого деревянного кресла, она потихоньку встала и подошла к Ивану. Ее голова доходила тому в лучшем случае до уровня груди. Он безуспешно попытался скинуть Лизу, дергая плечами. Потом нагнулся прямо с ней и обнял Дорит.

Лиза соскочила с Ивана, и они сели на диван. Иван снял куртку и откинулся назад.

– С тебя массаж сегодня, – заявил он Лизе.

– Да пожалуйста, – ответила она и тут же начала массировать ему плечи. Иван закрыл глаза и стал тихо стонать.

– А где брат твой? – вдруг спросил он.

– Не знаю, – отрезала Лиза и сильно надавила большим пальцем меж лопаток.

– Алекс вечером приедет, – сказала Дорит, снова усаживаясь за книгу. – Он сегодня еще работает – будет часам к семи.

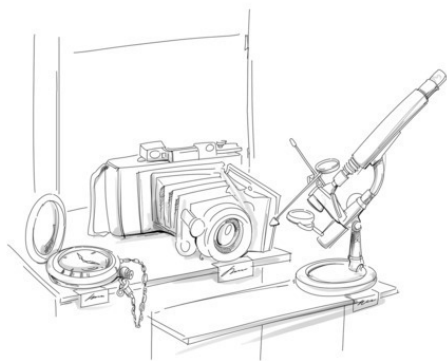
Иван посмотрел на Лизу, подняв брови. Работа. Он и сам вчера в офисе допоздна просидел. Надо было закрыть проекты этого года, последние счета выставить, написать поздравительное письмо сотрудникам. К десяти часам вечера он сделал все, что запланировал. Для него было принципиально важно закончить все дела до конца года. Не оставлять за собой никаких хвостов. С этим внутренним требованием Иван старался завершить каждый день. Не оставлять ни одного

письма без ответа, ни одного задания, которое он мог выполнить сегодня. Ну а в конце года сам бог велел уладить все так, что даже если бы он никогда больше не вернулся в офис, то на работе его агентства это почти никак не сказалось.

* * *

– Герхард, откуда у тебя все эти вещи? – спросил Костя, рассматривая старинный микроскоп в большой стеклянной витрине.

– Это хороший вопрос, – ответил Герхард, не отводя глаз от монитора компьютера. – Из разных мест, от разных людей.

Герхард не спеша провел рукой по седой бороде, несколько раз щелкнул мышкой и развернулся на большом рабочем кресле к детям, которые прилипли к прозрачным шкафам

с многочисленными механическими приборами. На подсвеченных полках стояли старинные фотоаппараты, микроскопы, часы и другие предметы с множеством шестеренок, датчиков и стрелочек. Все было аккуратно расставлено по категориям в хронологическом порядке. На каждом экспонате была маленькая бирка с номером и годом. Герхард подошел к витрине с микроскопами, открыл дверцу и вытащил один наружу.

– Так, тысяча восемьсот шестьдесят седьмой год, номер семьдесят четыре. Не знаю, откуда он. Надо в каталоге смотреть, – протяжно сказал Герхард и неспешно полез рыться в ящиках стола. – Ума не приложу, куда этот каталог делся!

– Да ладно, не важно, откуда он, – быстро ответил Костя. – А посмотреть в него можно?

– Конечно можно.

Герхард поставил микроскоп на стол, настроил маленькие зеркала. Потом достал из специального чехла несколько стеклышек и вставил одно из них в прибор. Костя тут же прильнул к окуляру и затих на несколько секунд.

– А тебе, Лили, что-нибудь достать?

– Нет, не надо, – отказалась Лили, все еще разглядывая витрину с фотоаппаратами. – А у тебя их разве не больше было?

– У меня и есть больше. Вот только я после ремонта никак расставить их не могу. Может, завтра вместе займемся? У нас на чердаке еще много чего интересного осталось. Еле

спас от Терезы. Ей лишь бы выбросить, а ведь за каждой вещью история целая. Из-за разных историй я всю эту коллекцию когда-то и затеял. Завтра могу рассказать, если хотите.

– Хотим! – ни на кого не глядя, выкрикнул Костя. Лили кивнула.

– Может, вы для себя что-нибудь найдете, – сказал Герхард и положил руку на спину Косте, который уже самостоятельно менял в микроскопе стеклышки. На последнем маленькими печатными буквами было написано: *Achilléa millefólium*.

– Вот эта ахилея прикольная! Лили, иди сюда! – позвал Костя, не отрываясь от микроскопа.

– Нам вниз пора. Мы с Терезой в магазин хотели пойти, – напомнила Лили.

– Вот ты и иди. Я лучше тут с Герхардом останусь, – проворчал Костик, наконец приподняв глаза.

* * *

На рождественский ужин в семье Камински по традиции подавали тыквенный суп с ржаными гренками и фруктовый салат. Для особо голодных полагались еще белые булки с маслом. Ну и конечно, рождественские печенюшки и пряный чай без ограничения. Такое скромное меню объяснялось тремя вещами. Во-первых, Тереза не собиралась проводить целый день на кухне, да и времени для этого часто

не хватало. Во-вторых, тяжелый долгий ужин отвлекал бы от главного – настольных игр, совместного пения рождественских песен и, конечно же, вручения подарков. Хотя последнее являлось не столь уж важным: у них не было принято дарить дорогие подарки. В основном преподносили приятные мелочи типа деревенского мыла, сваренного вручную, или вязаных носков. Третья причина была идеологическая: кто сказал, что Мария и Иосиф в ночь рождения Иисуса ели на ужин запеченного гуся или еще какие-то деликатесы? Скорее, все происходило намного скромнее.

Аскетизм рождественской еды собравшимся пришелся по вкусу.

– Иван, не сделаешь ли еще чая? – попросила Анна-Лена, растекаясь по мягкому стулу. – А мы пока тут все для игры подготовим.

А в какие игры будем сегодня играть? – не терпелось узнать Косте.

– Игры? Лично я только одну сегодня осилю, – сказала Лена.

– Ну во-от! Как всегда! – обиделся Костик и сложил на груди руки крест-накрест.

– Если только одну игру, то тогда «Клуедо», – прокричал Иван из кухни.

– Ну уж нет. Чтоб он опять выиграл? – прикрывая ладонью зевок, произнесла Анна-Лена.

– Я тоже против, – сказал Алекс и достал из шкафа

несколько коробок с играми.

– Да ладно вам, давайте сегодня в «Клуедо», завтра в любую другую, – вступилась Тереза. – Это его любимая, – шепотом добавила она.

– В том-то и дело, что его. Но не моя, – заявил Алекс, нахмутив брови.

– И не моя, – присоединилась Лена и зевнула во второй раз. – Можно я все-таки спать пойду?

– Да иди уже спать и не мучайся, мамуль! Там все равно только вшестером играть можно. А нас и так сильно больше, чем надо, – сказала Лили, по очереди оглядев каждого в комнате.

– Но на меня точно не рассчитывайте, – проскрипела Дорит и начала подниматься с кресла. Анна-Лена тоже встала из-за стола, подошла к Дорит и взяла ее под руку.

– Мы спать. С Рождеством вас всех еще раз, – на глубоком выдохе произнесла Анна-Лена.

– Спокойной ночи! – пожелала Дорит, и они вышли из гостиной.

Иван вернулся в комнату с круглым подносом, на котором стояли чайник свежезаваренного травяного чая и тарелка с печеньями. Лили раскладывала на столе игральное поле, Костя вытряхивал из маленьких тряпичных мешочков фишки. Всего в игре участвовало шесть персонажей, каждому соответствовал один цвет.

– Кому какой? – спросил Костя, расставив перед собой все

шесть фишек.

– Я хочу быть фрейлин Рот! – опередив остальных, выбрала Лиза и схватила красную фишку.

Алекс усмехнулся и ответил, что ему все равно. Лили, не отрывая глаз от инструкции, скомандовала.

– Тогда будешь полковником Гюнтером фон Гатов, – взяла желтую фишку и протянула ее Алексу.

– Давай мне герр директора Грюна, – попросил Иван, посмотрев с улыбкой на своего сына.

– Ну вот, я тоже хотел зеленый! – обиделся Костя, но отдал фишку отцу.

– Вам с Лили все равно придется вдвоем за одного играть, – объяснил Иван.

– Мы с тобой будем фрау Вайс, – настойчивым голосом произнесла Лили, до сих пор читая книжечку с правилами игры. Костя цокнул языком и резко выдохнул. – Мало того, что с ней вдвоем, так еще и женской фишкой, – не скрывал он расстройств.

– Какая разница, это просто имена. Это вообще ни на что не влияет, – в своем духе продолжала Лили.

– О-кей, – протянул Костя и сообщил: – Остались две: синяя и фиолетовая.

– Тут все просто: Герхард, ты будешь профессор Блюм. Фиолетовую дай ему, – обратилась Лили к брату. – А Тереза – баронесса фон Порц. Синяя фишка, – распределила роли Лили и закрыла инструкцию. – Ну что, все помнят, как

играть?

Тереза и Алекс помотали головами. Лили снова открыла инструкцию и начала объяснять:

– Итак, цель игры – понять, кто убил доктора Блэка. Точнее, не только кто, но и где, и чем. Есть шесть подозреваемых – ну, это мы все. И шесть орудий убийств, по одному на каждого: револьвер, нож, подсвечник, веревка, гаечный ключ и труба какая-то.

– Всего в доме девять комнат, – перенял эстафетную палочку Иван и показал рукой на игральное поле посередине стола, – в некоторых из них есть секретный переход. Туда можно перепрыгивать сразу, минуя все клеточки между отдельными комнатами. Для того чтобы перемещаться между ними, кидаешь кубик и двигаешь фишку на столько шагов вперед, сколько выпало на кубике.

– Триста двадцать четыре, – вдруг сказал Герхард.

– Что триста двадцать четыре? – удивился Иван.

– Столько возможных вариантов решений. Шестью шесть тридцать шесть и умножить на девять комнат. Получается триста двадцать четыре, – пояснил Герхард.

– И как, собственно, вычислить один верный из этих трехсот двадцати четырех? – спросила Тереза, поправляя очки.

– Все просто: идешь в комнату и высказываешь подозрение. Например, я считаю, что доктора Блэка убила ты – револьвером и, скажем, в кабинете. При этом я должен тогда изначально стоять в кабинете, а ты – если я тебя подозре-

ваю – тоже оказываешься в этом помещении, где бы твоя фишка до этого ни стояла. Затем кто-то из игроков, начиная со следующего по часовой стрелке, должен опровергнуть это предположение и показать одну карточку. Да, забыл сказать, у каждого из нас будет несколько карт с некоторыми предметами – эти вещи тогда можно исключить. Три карты с правильным решением будут лежать в конверте посередине.

– Ну-у, так тут убивать никого уже не надо? – расстроился Костя.

– Да, кстати, игра от восьми лет и старше. Так что ты вообще можешь идти погулять, – сказала Лили, спихнув Костю со стула.

– Э-эй, мне через месяц восемь будет! – крикнул Костя и снова встал в позу, скрестив руки на пузе.

– Хватит над братом издеваться, – не выдержал Иван и добавил: – Надеюсь, вы все понимаете, что в этой игре мне нет равных. А у вас двоих и подавно нет шансов. Давайте уже начнем!

В эту игру Иван еще ни разу не проигрывал. Ну почти. Один раз по счастливой случайности Анна-Лена выиграла. Да и то только потому, что, как обычно, хотела спать и сделала рискованную ставку почти наугад. Риск тогда оправдался. Ей повезло, не более того. У Ивана же была особая стратегия, основанная не только на логике и хорошей памяти, но и на интуиции и внимательном слежении за реакцией каждого игрока. Иван распознавал малейшее движение бро-

вей или легкую фальшь в голосе и мог таким образом догадаться, какие из вещей исключались другими игроками.

Прошло чуть больше получаса. Листок Герхарда был исчерчен вдоль и поперек. Он то снимал очки, чтобы посмотреть на игральное поле, то снова надевал их и разглядывал свои замысловатые таблички. Лиза вообще не могла ничего понять в собственных перечеркнутых заметках и взяла новый листок. Она так увлеклась переносом на него всех догадок, что чуть не пропустила свой ход. Тереза немного суетилась и никак не могла определиться, что именно ей нужно записывать, а что нет. Дети же вообще забили на все бумажки и наугад делали предположения, перемещая свою фигуру из одной комнаты в другую. Только Алекс и Иван были сосредоточены и делали ставки с ходу, не меняя выражения лица. Будто играли в финале чемпионата мира по покеру и на кону стояло несколько миллионов долларов. Иван изредка посматривал в сторону Алекса. Потом на часы. Без сомнения, Алекс был уже близок к цели. Ему оставалось, наверное, только определиться с местом убийства. Сам Иван уже давно вычислил и комнату, и убийцу. Но не был до конца уверен по поводу орудия. Иван снова взглянул на старые напольные часы с маятником. Минутная стрелка коротким рывком переместилась на одно отделение вперед и застыла. Маятник продолжал качаться в том же ритме. Одиннадцать сорок три. Ждать дальше означало упустить шанс и проиграть.

– Итак, это не предположение, а обвинение, – торжественно заявил Иван, когда подошел его ход и он оказался в помещении, где, на его взгляд, было совершено убийство.

– Да ладно?! Я только все свои заметки на новый листок переписала, – с отчаянием сказала Лиза.

– Ну давай, пап, давай! – решил подбодрить его Костя, начавший уже немного скучать.

– Итак, я считаю, что убийство доктора Блэка произошло в гостиной. Он был зверски зарезан кинжалом. И сделал это не кто иной, как... – Иван выдержал короткую паузу, улыбнулся и, глубоко вдохнув, объявил: – Как я-а-а!

Теперь оставалось лишь убедиться в том, что обвинение было правильным. Иван взял с середины поля конверт, достал оттуда три карты и, прикрывая рукой, посмотрел на них. Улыбка застыла на его лице, будто его резко заморозили. Все остальные за столом тоже замерли и с удивлением уставились на Ивана.

- Черт. Неправильно, – наконец произнес он.
- Как «неправильно»? – удивилась Тереза.
- А почему, собственно, должно быть правильно? – спро-

сил Алекс. Его ход был следующим. Он молча кинул кубик, на котором выпала шестерка. Он взял желтую фишку и отсчитал шесть клеток, которых с точностью хватило, чтобы дойти до следующей комнаты – зимнего сада. Алекс, по-прежнему не говоря ни слова, взял маленькую оловянную фигурку ножа вместе с фишкой герр директора Грюна и перенес их также в зимний сад.

– Обвинение: герр директор Грюн. Кинжал. Зимний сад, – одно за другим произнес Алекс, будто вместе с каждым словом он сам втыкал нож в тело убийцы.

– Все верно, – после недолгой паузы подтвердил Иван.

– Ну, после твоей ошибки не так уж и трудно было догадаться, – попыталась подбодрить Тереза Ивана, который заметно похмурил. Алекс ничего не ответил на реплику матери, взял чашку и вышел из комнаты.

День первый

Иван открыл глаза. На белой стене желтела узкая вертикальная полоска солнечного света, который пробивался через щель в гардинах. Где он? Иван огляделся. Это не похоже на его спальню, но комната чертовски знакома. Через секунду он все вспомнил.

В помещении никого не было. За стеной послышался шум воды. Наверное, Лена принимает душ. Иван покрутил головой на подушке в обе стороны, чтобы размять шею. Потом закрыл глаза. Неожиданно для него самого он увидел жену стоящей в ванной с душем в руке, прислоненным к своей груди. Сильные струи воды стекали по ее худому телу, огибая небольшой животик и аккуратную упругую задницу. Темные волосы, забранные за уши, доходили до уровня лопаток. По впалым щекам спускались подтеки вчерашнего макияжа, делая лицо Лены одновременно беззащитным и возбуждающим. Иван ощупал свое тело, укрытое объемным пуховым одеялом. Он оказался голым. Шум воды прекратился. Еще минута-другая – и Лена войдет в комнату. Может, притвориться спящим, потом якобы проснуться и заманить ее в постель? Хотя вряд ли она захочет. Секс интересовал ее так же мало, как и искусство. Один-два раза в месяц уже давно стало для них нормой. Иван до сих пор не мог смириться с этим, но факт оставался фактом. Также один-два раза,

но в год у него случался секс на стороне. Чаще всего это были девочки лет по двадцать пять, которых Иван с легкостью мог подцепить в ночном клубе. С последнего раза прошло уже больше года. Хотя в клуб с друзьями он по-прежнему ходил часто. Он не ставил себе никаких целей, но почему-то им перестали интересоваться. Может, дело было в его волосах, которых становилось все меньше.

Дверь в комнату тихо открылась и вошла Лена, завернутая в большое синее полотенце.

– Доброе утро, – сказала она, не глядя в его сторону.

– Доброе.

– Ну как вчера все прошло? – спросила она, натягивая облегающие трусики телесного цвета.

– Проиграл, – тихо ответил Иван.

– В «Клуедо»? Ты? – удивилась жена.

– Да! – отрезал Иван.

– А кто тогда выиграл?

– Алекс. Но только после того, как я облажался. Я поторопился и сделал неверное обвинение. В общем, как ты в прошлый раз. Но только мне, в отличие от тебя, не повезло.

– Ну, в другом чем-нибудь повезет, – успокоила Лена и застегнула застежку лифчика спереди, потом перевернула его и расправила на груди.

– Возможно, – без особой надежды произнес Иван и откинул одеяло. Потом встал, прихватив со стула штаны, и пошел в ванную.

Потолки здесь, на цокольном этаже, были значительно ниже, чем во всем доме. Проходя по короткому коридору, Иван слегка нагнул голову. Эта привычка у него осталась еще с того времени, когда он прожил здесь год, окончивая школу. Кроме комнаты, в которой спал он с Леной, здесь располагался маленький кабинет. Дверь в него оказалась открытой. Там стояли две раскладные кровати для детей. Сейчас их постели уже пустовали, одеяла комками валялись на полу. На кроватях была разбросана одежда Лили. Следующая дверь прямо по курсу – ванная комната. В свое время часть винного погреба хозяева переделали в ванную. Потолок в ней был полукруглым. В некоторых местах виднелась кирпичная кладка. Слева стояла большая ванна, справа унитаз с высоким сливным бочком из шестидесятих годов. Посередине прямо в стену была встроена глубокая прямоугольная раковина. Над ней небольшое старое зеркало, также вклеенное прямо в стену. По его краям были заметны сколы. По поверхности стекла проходили две черные царапины толщиной с конский волос. В левом верхнем углу просматривалось какое-то бледное пятно – будто облачко застыло где-то между реальным миром и отражением. Несмотря на все изъяны, отражение в этом зеркале было очень четким. Качество ручной работы со временем проявлялось все больше.

Иван поднес лицо вплотную к зеркалу. Те же морщины вокруг глаз, что и вчера. Щетина уже постепенно превра-

щалась в бороду. На Ивана смотрел лысеющий старик с седой бородой. Он не брился уже дней семь, и небритость беспорядочно расползлась по всему лицу. Надо было хотя бы контуры подровнять. Бритву он с собой не взял. Наверняка у Каминских найдется станок для него. Заглянул в узкий шкафчик с правой стороны от умывальника. Там было все что нужно: туалетная бумага, ватные палочки, зубная паста и даже несколько зубных щеток в упаковках. Все, кроме бритвенных станков. Он посмотрел на других полках и обнаружил целый набор маникюрных ножниц и принадлежности для стрижки. Там же в отдельном кожаном чехле оказалась старая опасная бритва. Когда-то в юности Тереза ровняла ею линию волос на затылке Ивана.

Он раскрыл чехол и достал бритву. Она приятно лежала в руке. Темная ручка из слоновой кости, стальное лезвие со знаком качества «Золинген» – такая вещь могла быть сделана только в Германии. Иван осторожно откинул лезвие и сделал несколько зигзагообразных движений в воздухе. Потом еще раз взглянул на бритву и приложил большой палец к лезвию. Самурайский меч, скорее всего, оказался бы острее, но даже от легкого нажатия на пальце Ивана осталась еле заметная бороздка.

Иван снова поднес лицо ближе к зеркалу и прямо по сухой коже начал подбривать края бороды снизу вверх. В коридоре хлопнула дверь. Иван на секунду обернулся. Когда же снова посмотрел в зеркало, по подбородку с левой стороны стека-

ла тонкая струйка крови. Он удивленно провел по этому месту пальцами левой руки. На них действительно размазалось несколько капель крови. Он посмотрел в зеркало, задрал подбородок кверху. Небольшой порез проходил по его нижней части. Потом Иван снова посмотрел себе в глаза и слегка покачал головой. Отложив бритву в сторону, он включил воду и начал умываться. Струйки крови мгновенно растворялись в проточной воде. Он тщательно протер глаза, места вокруг носа, наконец, несколько раз провел руками по щекам, подбородку и шее. Ожидая легкого жжения в области пореза, Иван даже на несколько секунд задержал дыхание. Однако жжения он не почувствовал. Он набрал в ладони воды и еще раз промыл нижнюю часть лица. Потом протер полотенцем. Никаких следов крови. Иван снова посмотрел в зеркало, натянув кожу подбородка. Пореза не было. Ощупал пальцами это место и немного подождал. Иногда бывает, что тонкий порез как бы залипает на некоторое время, но потом все равно небольшие капельки крови выделяются по краям. Ничего подобного не произошло.

Иван снова взял бритву и начал ровнять правую сторону. Через несколько секунд он приложил лезвие к щеке, посмотрел себе прямо в глаза и резко провел бритвой вниз.

Брызги крови разлетелись по раковине. Иван крикнул от боли, не разжимая губ. Кровь сильной струей потекла по его шее и груди. Он продолжал смотреть в зеркало. Через полминуты боль ушла. Он чувствовал только теплую ленту засыхающей крови от правой щеки до пупка. Иван не отрывал глаз от зеркала. Книзу от линии пореза все по-прежнему было красным. Хотя кровь остановилась сама по себе. Еще через несколько секунд он снова тщательно промыл лицо. Дал стечь воде самой, наблюдая за тем, как уже прозрачные капли падали на эмалированную поверхность раковины. Зажмурил глаза. Снова открыл их и медленно поднял голову. В отражении он увидел себя таким, каким он вошел сюда пятнадцать минут назад, – ни порезов, ни царапин не было. Более того, вся левая сторона, которую он подровнял острой бритвой, снова оказалась заросшей. Иван провел перед зеркалом еще минут десять, не отрывая от него или, лучше сказать, от себя самого глаз.

Потом он все-таки отошел. Сложил бритву и убрал ее обратно в чехол, надел штаны. Перед выходом из ванны снова глянул в зеркало. То, что он там увидел, заставило его подойти ближе. Его лицо было выбрито начисто. Он схватился за щеки обеими руками и то и дело закрывал и открывал глаза. Ничего не менялось. Он достал айфон из кармана джинсов и сфотографировал себя. Внимательно рассмотрел изображение на экране смартфона, убедившись, что оно ничем не отличается от отражения в зеркале. Далее он проли-

стал двадцать-тридцать фотографий и остановился на снимке, который был сделан больше полутора месяцев назад. Их агентство тогда готовило рекламную кампанию для фирмы, выпускавшей электробритвы. Он руководил фотосъемкой и под конец решил опробовать последнюю модель одной из бритв. Тогда он и побрился начисто, чего к тому времени не делал больше года. Качество бритвы оказалось отменным. Иван даже подумал и себе такую купить, но решил не изменять своему принципу – не покупать товары, для которых снимает рекламу. Кроме того, трехдневная щетина нравилась ему больше. А его старый триммер справлялся с ней по-прежнему отлично.

* * *

– Итак, все наелись? – спросила Тереза и поставила свою чашку вместе с блюдцем на тарелку. Вопрос был в своем роде риторический. Компенсируя скудность рождественского ужина, Тереза выставила на завтрак столько еды, что хватило бы на небольшую гостиницу в разгар сезона. Одних видов сыров было девять или десять. Огромная корзина с булочками всех сортов, какие только можно представить: круглые белые и зерновые, длинные сдобные, закрученные брецели, булки с изюмом и маком, круассаны, а также два вида хлеба, ржаной и зерновой с отрубями, и хрустящие хлебцы. На столе стояли пять разных мармеладов, большинство из которых

она сварила сама, два вида масла – обычное и с крупной морской солью, копченый лосось, гигантская круглая тарелка с ветчиной и колбасами, самодельный паштет и мясной салат. Кроме этого, по всему столу были расставлены небольшие плоски с маленькими помидорками черри, нарезанной паприкой и огурцами. На соседнем столике стояла большая ваза с фруктами, до которых дело, как всегда, не доходило.

– Я думаю, что мне до следующего года хватит, – выдавил из себя Иван, откинувшись на спинку стула.

– Ну так до него меньше недели осталось, – успокоила Тереза. – На ужин сегодня индейка с запеченными овощами и рисом. В пять Лео приезжает, в шесть садимся ужинать. Лили, Костя, вы сегодня накрываете на стол, договорились?

– Без проблем, – согласился Костя, положив недоеденный брецель с маслом на тарелку.

Все поблагодарили Терезу за праздничный завтрак и вышли из-за стола, взяв свои тарелки и другую посуду.

* * *

– Почему я всегда так обжираюсь за завтраком? – задался вопросом Иван, развалившись на диванчике в зимнем саду. – Причем только у Терезы.

– Она всегда такой была. Завтраки любит больше всего и не готова себя ограничивать, – объяснила Лиза и села на диван, отодвинув ноги Ивана в сторону.

– Да это понятно, но я-то сам могу себя ограничивать.

– Это иллюзия. Когда стоишь перед соблазном вот так напрямую, один на один, – ты и слабосоленый лосось с укропом или мясной салатик с самодельным майонезом из деревенских яиц и разливного оливкового масла из греческого магазинчика напротив, то выбор дается нелегко.

– Да уж, я вчера в журнале прочитал, что люди сегодня вообще от еды больше удовольствия получают, чем от секса. Особенно в Японии.

– Но мы же не в Японии, – заметила Лиза, посмотрев Ивану в глаза. – Меня вот больше наше больное общество беспокоит. Потребительское, я имею в виду.

– Но мы его сами себе и придумали. На нем вся экономика западная держится. Я так напрямую благодаря ему живу со своим рекламным агентством. Да и ты тоже, да и вообще все. По-другому нельзя.

– Вот это меня и пугает! Это ведь замкнутый круг получается: ты ходишь на работу, чтобы заработать деньги. На них покупаешь все больше вещей, которые тебе, строго говоря, и не нужны: шмотки каждые два месяца, новый айфон каждый год и тому подобное. И получается, что ты не деньгами за них расплачиваешься, а своим временем, а значит, жизнью.

– И все это за то, что тебе и не особо-то нужно, – поддержал Иван, глядя на небо через стеклянную крышу зимнего сада.

– И единственное, что нельзя купить за деньги, – это время, – подытожила Лиза.

– Хм. Но деньги могут сделать тебя свободнее, – продолжил Иван и добавил через короткую паузу: – Если разумно к ним относиться.

– Но ведь таких разумных – меньшинство! – воскликнула Лиза. – Знаешь, какая у меня мечта? – Лиза снова посмотрела Ивану в глаза. – Бросить все, продать все вещи, купить старый микроавтобус «Фольксваген» и уехать в какую-нибудь глушь, жить прямо в машине на природе. Ходить в лес, целый день добывать себе еду, иногда выбираться на рынок в какую-нибудь деревню за самым необходимым, ну а вообще стараться обходиться малым.

– И что же тебе мешает?

– Не знаю. Такими вещами, наверное, лет в двадцать занимаются, – усмехнулась Лиза.

– То есть из-за родителей? Боишься, они тебя не поймут?

– Скорее от страха – страха одиночества. Как-то до сих пор не получилось найти кого-нибудь, кто бы со мной поехал.

– Обычно такие люди находятся в самом процессе. Так что я бы не беспокоился. Ты молодая, красивая – уверен, все у тебя впереди.

– Молодая? Да мне сорок два! Еще немного – и детей уже не смогу родить.

– А ты хотела бы? – с сомнением спросил Иван.

– Конечно! Штук пять желательно. А ты что, о своих жалеешь?

– Да нет, конечно. Если бы не переходный возраст... – Иван развернулся на диване и лег головой на колени Лизы. Она провела левой рукой по его щеке. Потом положила ее на его левую ключицу, а правую запустила в волосы на затылке.

– Давно не помню тебя таким гладковыбритым. Когда ты сегодня к завтраку вышел, я чуть со стула не упала. Ты был похож... ну сам знаешь на кого.

– На кого?

– Да на тебя самого – только лет двадцать пять назад. Сейчас, правда, вижу, что еще волос бы тебе на голове побольше. И морщины слегка разгладить, – улыбаясь, сказала Лиза. – Может, тебе совсем все сбрить?

– Думаешь, нормально будет? На онкологического пациента походить не буду? Ты знаешь, как Тереза к этому болезненно относится.

– Лиза рассмеялась. Она плотно схватила Ивана за волосы на затылке и приподняла голову. Так, что его лицо практически упиралось в ее грудь. Иван приоткрыл рот и легонько укусил ее за правый сосок, выступающий через хлопчатобумажную футболку. Лиза взвизгнула и тут же отпустила волосы Ивана. В ту же секунду в зимний сад вошла Дорит с газетой в руках. Она молча проследовала мимо диванчика, на котором лежали Иван с Лизой, и села в кресло.

– Так и будете целый день валяться? – спросила она обоих, открывая вчерашнюю газету.

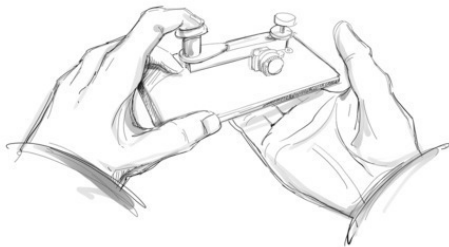

– Эта штука, как ты выразился, называется телеграфный ключ или ключ Морзе. Что такое азбука Морзе, вы знаете? – спросил Герхард. Лили и Костя отрицательно покачали головами.

– Смотрите, сто лет назад, когда не было еще ни телефонов, ни компьютеров, ни Интернета, для того чтобы передавать сообщения, использовали телеграф, – начал рассказывать Герхард.

– Теле-что? – спросил Костя.

– Телеграф. Это как почта, только быстрее, потому что сообщение с помощью радиоволн передается, – Герхард сделал небольшую паузу, посмотрев на детей с застывшими лицами. – Так вот, чтобы сообщение отправить, нужен был этот самый прибор. – Герхард взял в руки старый телеграфный ключ и показал детям. – Видите рычажок? Он еще коромыслом называется – двигается вниз-вверх. Радист... в общем тот, кто на телеграфе работает, нажимает на конец коромысла, – Герхард поставил аппарат на стол и надавил на рычажок, – и таким образом замыкает электрический контакт. В зависимости от того, долгий или короткий контакт, получается либо точка, либо тире. Из этих двух символов и состоит азбука Морзе.

– А почему Морзе? – спросил Костя.

– Так изобретателя звали – Сэмюэл Морзе.

– И что же можно сказать, если есть только точка и тире? –

недоумевала Лили.

– Да все что захочешь! При помощи двух сигналов можно закодировать любое слово. Ну вот, например, сигнал бедствия SOS. Буква S – три коротких, O – три длинных сигнала. – Герхард взял со стола листок бумаги и поставил три жирные точки, потом начертил три короткие черточки и снова закончил тремя точками. – Понятно?

– Ну более или менее, – протянул Костя, – никогда таких не видел.

– Они ведь сто лет назад использовались, ты что глухой, что ли? – сказала Лили. – В общем, это типа СМС, только сложнее, потому что кодировать что-то надо?

– Можно и так сказать, – ответил Герхард.

– А откуда он у тебя? – спросил Костя.

– Этот ключ мне от моего отца достался. Он получил место оператора на телеграфе, когда мы сюда приехали. В его время, правда, уже другие приборы использовали – полуавтоматические или электронные, поэтому он мне как-то и принес этот старый механический ключ. Кстати, если вы по городу гулять пойдете, спросите у Терезы, где здание главного почтамта. Там над входом висит барельеф – точная копия вот этого телеграфного ключа.

Костя продолжал рыться в деревянном ящике со старинными приборами. Пропустив руку сквозь кучу проводов и железяк, он нащупал на дне что-то круглое и тяжелое. Часы? Он вытащил их наружу. На литом металлическом корпу-

се толщиной около пяти сантиметров была насечена резьба. На лицевой стороне под плотным желтоватым стеклом виднелась стрелка и какие-то цифры.

– А почему часы такие странные? – спросил Костя.

– Ну, как бы тебе ответить, Костя, потому что это не часы, – с улыбкой ответил Герхард. – Это...

– Что?

– Ты знаешь, ничего особенного, – передумал объяснять Герхард и обратился к Лили: – Мы же за фотоаппаратами сюда изначально пришли. А занесло нас, как всегда, совсем не туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.